

Вн
3164

329-2-34

Д-ръ Н. Н. КАЗАНСКИЙ.

37
123

ВЪЛИЗИ ПАМИРОВЪ

Издание центрального книжного магазина
подъ фирмой „Букнисть“ въ Ташкентъ.

Тапо-Литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Изяменскіе.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I.—Ближайшія иѣли поѣздки и политическое ея значеніе.—Дорога по Чоткалу.—Золото чоткальскихъ горъ.—Природа ихъ.—Условія колонизація горныхъ долинъ.—Переваль Кара-буры и долина Касанъ-Сая	1.
Глава II.—Касанъ, его отдаленное и недавнее прои- шое.—Наманганъ.—Прошлое и настоящее ферганскихъ городовъ.—Экономическій про- грессъ Андижана.—Ошъ.—Дорога до Гуль- ча.—Гульча	21.
Глава III.—Царца Алая.—Дорога до Суфп-курмана.— Новыя встрѣчи.—Уй-танъ.—Терекъ-даванъ, его природа; историческія замѣтки.—Дорога до Пркештама	42.
Глава IV.—Пркештамъ.—Китайскій пограничный на- чальникъ и его отрядъ.—Положеніе рус- скихъ торговыхъ людей въ Китаѣ.—Тор- говля Ошско-Кангарской линіи	64.
Глава V.—Дорога къ Алаю.—Природа Алая.—Кызыль- су и ея притоки.—Образъ жизни населенія	84.
Глава VI.—Пампы.—Ихъ изслѣдователи.—Отношенія Англіи къ Пампамъ и ея политика въ со- предѣленныхъ странахъ.—Англійскіе путе- шественники на Пампахъ	108.
Глава VII.—Наши ожиданія.—Трехрублевая экспеди- ція Каргина.—Извѣстія о памирскомъ от-	

Дозволено Цензурою. 24 Іюня 1895 г. г. Ташкентъ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

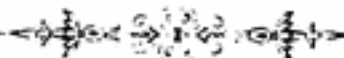
79927-50

II

рядъ Иова. — Инцидентъ съ кан. Юнус-бандомъ. — М-ръ Эліотъ. — Дараутъ-Курганъ 132.

Глава VIII. — Стоянка въ Дараутъ-Курганъ. — Бухарскіе гости: визитъ къ нимъ. — Дараутское ущелье, его природа. — По ту сторону Тенгизъ-бая. — Отъ Лангара до Аустанга. — Слухи о шайкѣ. — По поводу волненія 1885 г. — Дорога до Учъ-куртана 152.

Глава IX. — Встрѣча съ канджутцами. — Канджуть и Ангаія. — Визитъ г. Громобчевскаго къ Сефдеръ-Али-хану: его послѣдствія. — Канджутское посольство. — Новый Улусъ изъ Канджута; его отношенія къ Россіи 179.

Ближайшія цѣли поѣздки и политическое ея значеніе. — Дорога по Чоткалу. — Золото чоткальскихъ горъ. — Природа ихъ. — Условія колонизаціи горныхъ долинъ. — Перевалъ Кара-буры и долина Касанъ-сая.

Въ томъ 1891 года туркестанскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ баронъ Вревскій предпринялъ поѣздку по нагорнымъ частямъ Сыръ-дарьинской и Ферганской областей.

„Ближайшими цѣлями предпринятой поѣздки были, между прочимъ: изученіе Чоткальской долины въ отношеніи возможности ея колонизаціи и проложеніе по ней удобной дороги для сообщенія между долиной Чирчика, въ которой расположенъ городъ Ташкентъ, и Ферганой, подробное изслѣдованіе пути изъ Ферганы въ Кашгарію и

ознакомленіе съ Алайской долиной". Такъ говоритъ полуофиціозная статья, помѣщенная въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 13 октября 1891 г. Но, помимо этихъ цѣлей, Алайская долина сосредоточивала на себѣ вниманіе еще и потому, что тамъ, за Заалайскимъ хребтомъ, ходилъ въ это время дозоромъ русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Іонова. Задача его заключалась въ томъ, чтобы прекратить поползновенія сосѣдей на занятіе русской территоріи, принявшее за послѣдніе годы, благодаря недостаточной охранѣ этого отдаленнаго края, слишкомъ значительные размѣры, тѣмъ болѣе, что безцеремонность захватовъ находила себѣ объясненіе только въ поддержкѣ, оказываемой англійскими офицерами, участвовавшими за послѣднее время свои посѣщенія нашихъ памирскихъ границъ.

Молва объ экспедиціи, во главѣ которой стоитъ самъ Командующій войсками округа, быстро, разумѣется, дошла до сосѣдей, и всѣ они поняли, что дѣйствія памирскаго отряда, подкрѣпляемые личнымъ присут-

ствіемъ начальника края по близости отъ Памировъ, составляютъ вполне определенное и рѣшительное намѣреніе русскаго правительства отстоять свою территорію отъ всякихъ дальнѣйшихъ на нее посягательствъ. Въ этомъ смыслѣ пребываніе Командующаго войсками въ Алайской долинѣ имѣло и политическое значеніе.

Въ экспедиціи участвовали: какъ извѣстный знатокъ края, извѣздившій его вдоль и поперекъ, командующій войсками Ферганской области генераль-маіоръ Н. И. Корольковъ, какъ специалистъ по дорожнымъ и ирригаціоннымъ сооруженіямъ—инженеръ путей сообщенія Петровъ, извѣстный путешественникъ подполковникъ Б. Л. Громбчевскій, генеральнаго штаба подполковникъ Галкинъ, переводчикъ ротмистръ Асфендіаровъ, три адъютанта при Командующемъ войсками округа и полусотня казаковъ при двухъ офицерахъ. Авторъ этихъ замѣтокъ былъ назначенъ врачомъ экспедиціи.

Нуть нашъ лежалъ изъ урочища Чимганъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по Чоткалу до впаденія въ него рѣки Терса, оттуда, черезъ переваль Чапчама, въ долину Иштамберды, принадлежащей къ бассейну Касанъ-сая; изъ Касана на Наманганъ, Андижанъ, Ошъ, по Ошско-Кангарскому караванному пути до пограничнаго Иркештамма, оттуда во всю длину Алая и по Исфайрамскому ущелью на Маргеланъ. Это составило приблизительно 1200 верстъ протяженія, изъ которыхъ $\frac{6}{7}$ надо было сдѣлать верхомъ.

16 іюля 1891 года мы выступили изъ Чимгана по направленію къ кишлаку Бричъ-Мулла.

Дорога, пройденная нами по горамъ Чоткала, разработана была при помощи саперовъ подъ руководствомъ поручика Коловскаго и оказалась на столько удовлетворительной, что совершенно не оправдала тѣхъ опасеній, которыя закрадывались хотя бы у сколько нибудь знакомыхъ съ гор-

ными тропами чоткальскихъ ущелій. Ширина дороги едва ли гдѣ либо была менѣе аршина, карнизы всюду выравнены, балконы прочны, мосты также. Можетъ быть крутые спуски, затрудняя ходъ лошадей, и утомили бы вначалѣ мало привычныхъ путешественниковъ, но между нами, кажется, такихъ не оказалось. Переходы были настолько незначительны, что рѣдкій изъ нихъ превышалъ 25 верстъ, да и это небольшое разстояніе мы проходили обыкновенно въ два приѣма. Выѣзжая чаще всего въ 9-ть или 10 часовъ утра, около 12-ти мы останавливались для завтрака. Еще издали гостепріимно раскрытыя яркія адрасовыя крылья зеленого бухарскаго шатра влекли къ себѣ вниманіе проголодавшихся путниковъ, которые, благодаря безграничному радушію Командующаго войсками округа и Ферганскаго военнаго губернатора генерала Королькова, встрѣчали тутъ трудно вообразимое въ пути разнообразіе изысканныхъ закусокъ и тонкихъ блюдъ. Утоливъ чуть ли не съ каждымъ днемъ возраставшій подъ

вліяніемъ горнаго воздуха аппетитъ, рѣдкій изъ насъ чувствовалъ себя въ силахъ преодолѣть коварную склонность къ отдохновенію. Шумъ горнаго потока, плещущагося объ утесы ущелья, нисколько не беспокоитъ, а прибрежныя березы словно еще убаюкиваютъ, меланхолически нашептывая вамъ какую-то нескончаемую повѣсть. Однако къ 2-мъ часамъ надо подниматься и выступить далѣе: предупредительная уѣздная администрація уже заготовила для насъ юрты для ночлега и вьюки уже прошли прямо на стоянку. Къ нашему прибытію дорожныя ягтаны будутъ на мѣстѣ. Не предстоитъ скучнѣйшаго ожиданія вашихъ вещей и возни съ разстановкою коекъ.

Во всѣхъ путешествіяхъ этого рода слѣдуетъ рекомендовать ягтаны мѣстнаго издѣлія. Пара такихъ ящиковъ съ избыткомъ вмѣщаетъ все необходимое для дороги, легко и удобно навьючивается на лошадь и прекрасно служатъ для постели. Двойной холстъ натягивается на деревянные жерди, концы которыхъ продѣваются въ петли,

придѣланныя къ крышкѣ ягтана у задней его стѣнки, и кровать готова. При этомъ крышка остается свободной и ящикъ открывается, какъ вамъ угодно. Тѣже ягтаны могутъ не безъ удобства замѣнить собою и столы и стулья. На базарахъ Ташкента попадаются иногда ягтаны весьма изящной работы. Непонятно, почему въ киргизскомъ хозяйствѣ трудно найти мѣстные легкіе и удобные ягтаны; зато всегда встрѣтите русскаго издѣлія жестью или желѣзомъ окованные деревянные сундуки.

Первый ночлегъ былъ устроенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Бричъ-мулла, въ мѣстечкѣ называемомъ Каламъ-сарыкъ. По однимъ сказаніямъ, здѣсь нѣкогда произведена народная перепись; по другому преданію, Енохъ ходилъ сюда на молитву. Преданія объ Енохѣ удивительно распространены между восточными народами и каждый изъ нихъ охотно даетъ у себя мѣсто для его подвижничества. Какъ изъ библіи, такъ и изъ устныхъ преданій востока, мы узнаемъ только о его набожности и ничего

не знаемъ о его жизни и дѣятельности; но мусульманскому міру это лицо, повидимому, болѣе родственно, нежели еврейскому. Въ разстояніи 40 верстъ отъ Каламъ-сарыка находится, по мусульманскому преданію, могила Еноха, на которую ежегодно стекаются правовѣрные изъ Ташкента и городовъ Ферганы. Во второй половинѣ іюля, проѣзжая по Чимганской дорогѣ, можно встрѣтить не мало туземцевъ, направляющихся на богомолье въ Идрисъ-ней гамбаръ. Выше по Чоткалу и Терсу намъ также попадались на встрѣчу пѣшеходы изъ Намангана, шедшіе поклониться святому мѣсту. Дорога наша, къ сожалѣнію, лежала значительно въ сторонѣ отъ Идриса и намъ не пришлось повидать этой могилы.

Мы оставили также въ сторонѣ и ту часть верхняго Чирчика, на которой ютятся таджикскіе кишлаки—Богустанъ, Бричъ-мулла, Сизякъ и др.; только издали любовались мы, какъ-бы съ высоты птичьяго полета, на живописныя долины Пскема,

Угама, Кокъ-су, оставивъ ихъ далеко влѣво и направляя свой путь по ущелью Чоткала и, далѣе, Терса къ перевалу Чапчама.

Какую чудную картину представляетъ Чоткаль на уровнѣ урочища Курукъ-найза, гдѣ рѣка разливается въ небольшія озера! Быстрый пѣнящійся и глухо рокочущій гдѣ-то подъ ногами потокъ вдругъ какъ-бы замираетъ въ своемъ стремительномъ теченіи, разлившись по раздавшемуся ложу. Стоявшій въ воздухѣ гулъ, способный заглушить рѣчь, вдругъ смѣняется ничѣмъ не нарушаемой тишиной; вмѣсто сбѣгающей каскадами пѣны, передъ глазами рисуется гладкая безконечно тихая и прозрачная, какъ зеркало, бирюзовая поверхность озера, въ которое безмолвно смотрятся величавыя вершины скалъ. Обнаженные стволы арчи погрузились мѣстами въ воду какъ бы для купанья, сбросивъ съ себя зеленую одежду. Надъ озеромъ такъ тихо, что хочется умѣрить топотъ лошадей, словно онъ нарушаетъ здѣсь чей-то покой. Какъ-то не вѣрится,

чтобы такое спокойное ложе для уснувшей рѣки было приготовлено этими суровыми гранитными великанами, нѣкогда выдвинутыми изъ нѣдръ земли. Многое указываетъ на то, что появленіе ихъ на свѣтъ сопровождалось невообразимо бурнымъ геологическимъ переворотомъ: пройденная нами часть Чоткальскаго хребта представляетъ рѣдко встрѣчающееся нагроможденіе горъ. Боковые отроги гранита и діоритовые выступы совершенно перепутываютъ осадочныя породы.

Здѣсь кстати упомянуть, что горы Чоткала, благодаря присутствію охристаго и даже разрыхленнаго кварца, неоднократно привлекали къ себѣ взоры золотопромышленниковъ, тѣмъ болѣе, что и по настоящее время туземцы намыываютъ ниже по Чирчику и нѣкоторымъ его притокамъ небольшое количество золота. Къ сожалѣнію, попытки, начатыя еще съ 60-хъ годовъ, Колесникова, Кузнецова, Первушина, Кулибина и многихъ другихъ, не дали утѣшительныхъ результатовъ. Розсыпи несо-

мѣнны и всѣ онѣ заложены въ гранито-сланцевыхъ областяхъ. Но такъ какъ долины рѣчекъ очень круты, то, не смотря на гранито-сланцевой характеръ ихъ ложа, розсыпи неправильно расположены и разбросаны по слишкомъ большой площади бассейна. Добывать его при такихъ условіяхъ можетъ только тотъ, кто не цѣнитъ ни во что свой трудъ. Киргизъ-туземецъ, благодаря своему досугу, готовъ съ утра до ночи промывать песокъ въ корытѣ, которое замѣняетъ ему вашгердъ. Неудивительно, если онъ за цѣлую недѣлю труда и намоетъ золота рубля на два. Русскому же промышленнику при такихъ условіяхъ тутъ дѣлать нечего.

Замѣчательно что ущелья Чоткала и его притоковъ поражаютъ путешественника своей непонятной для этого времени года тишиною и мертвенностью. На всемъ пути по Терсу намъ почти не удавалось видѣть ни одного звѣрка; пернатые попадались также весьма рѣдко; даже хищники рѣяли въ небѣ въ ничтожномъ количествѣ, что

уже прямо указывало на плохую для них добычу въ этихъ дикихъ мѣстахъ*).

При всемъ этомъ дорога ущельями чрезвычайно живописна. Горныя рѣчки, сбѣгая каскадами, образуютъ частыя извилины; скалы то прямо подходятъ къ потоку, замыкая его въ тѣнины, на днѣ которыхъ онъ клокочетъ, бурлитъ и вздымаетъ пѣну, то отступаютъ отъ него, образуя долинки, густо заросшія березою, горнымъ тополемъ, жимолостью, боярышникомъ, некленомъ, шиповникомъ и тамарискомъ. Преобладающею въ такихъ тугаяхъ породою является береза. Она здѣсь очень мощна и достигаетъ 6—7 сажень высоты. Такъ называемая арча изъ породы древовидныхъ можжевельниковъ (*Juniperus pseudosabina*) ютится выше на скалахъ. Ея темная зелень на сѣромъ фонѣ скалъ мѣстами сильно напоминаетъ сосновые

*) Изъ карты Н. Сѣверцова, приложенной къ его „Etudes sur le passage des oiseaux dans l'Asie centrale“ въ bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes 1880, № 2, видно, что горы Чоткала и весь Александровскій хребетъ остаются совершенно въ сторонѣ отъ путей перелета.

лѣса Финляндіи; только воздухъ еще сильнѣе напоенъ ароматическимъ запахомъ смолы.

Вообще Наманганскій уѣздъ еще не совсемъ растратилъ свои лѣса. Къ сожалѣнію, мы прошли въ той его сторонѣ, гдѣ лѣсъ не особенно густъ и разнообразенъ. Къ сѣверо-востоку отъ нашей дороги черезъ переваль Чанчама расположено урочище Афлатунъ, славящееся своимъ ельникомъ. Деревья, по свидѣтельству генерала Королькова, достигаютъ въ Афлатунѣ 13—14 сажень. Чустское приставство тоже изобилуетъ хвойными лѣсами. Еловые лѣса встрѣчаются на склонахъ долины Джапа, Салды, Чаначъ, Пошъ-аты, Итокара. Вся площадь, занятая лѣсомъ, по офиціальнымъ даннымъ 76 года, занимала около 50 кв. в. Въ настоящее время, не взирая на строгій надзоръ, лѣсная площадь Наманганскаго уѣзда уменьшается съ каждымъ годомъ. Киргизы не цѣнятъ ели и не щадятъ ея. Ради клочка пашни, а иногда и пастбища, кочевникъ готовъ истребить цѣлую рощу старыхъ деревьевъ. До какой степени чудный

строевой лѣсъ попадаетъ въ упомянутыхъ мѣстахъ можно убѣдиться на матеріалѣ, пошедшемъ на нѣкоторыя наманганскія постройки. Не мало ушло его также для какого-то моста, проектированнаго бывшимъ генераль-губернаторомъ Черняевымъ. Сооруженіе почему-то не состоялось и остатки этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго лѣса и по сей часъ дожидаются на наманганскомъ базарѣ своего сбыта.

Лѣсъ Наманганскаго уѣзда издавна составлялъ предметъ особой заботливости администраціи, и еще во времена Худояр-хана частныя лица не могли имъ пользоваться иначе, какъ получивъ особое дозволеніе отъ бековъ. Это была ханская регалія. На долю установленнаго нынѣ надзора выпала печальная задача сберечь жалкіе остатки нѣкогда громаднаго сокровища.

Чоткальская долина между урочищемъ Бишъ-араль и Идризъ-пайгамбаромъ на протяженіи 50 верстъ нѣсколько раздается въ ширь, оставляя между предгорьями обѣихъ сторонъ полосу довольно ровной пло-

щади, шириною непревышающей нѣсколькихъ десятковъ сажень и до 1—2 верстъ длиною. Мѣстами по рѣкѣ и ея притокамъ попадаютъ участки рѣчнаго наноса значительной толщины, покрытые въ большинствѣ случаевъ густымъ чернолѣсьемъ, и извѣстные подъ названіемъ тугаевъ. Въ колонизаціонномъ отношеніи эта часть долины едва ли заслуживаетъ серьезнаго интереса. Лѣсовое наслоеніе ея ничтожно и потребуетъ ирригаціонныхъ приспособленій, которыя здѣсь, въ горныхъ пересѣченныхъ мѣстностяхъ нуждаются, помимо навыка и сноровки, въ значительныхъ затратахъ труда и времени. Вся площадь годной для культуры земли, считая до впаденія Сандалашъ-су, не превыситъ и 16.000 десятинъ. На тугаяхъ урожая хлѣба можно-бы ожидать вполне удовлетворительнаго, но прежде всего площадь ихъ въ совокупности крайне незначительна и они разбросаны по долинѣ изолированными клочками, да и водвореніе на нихъ землевладѣльцевъ повело-бы къ окончательному истребленію лиственныхъ

породъ. Во всякомъ случаѣ въ благодатномъ Туркестанскомъ краѣ еще столько непочатой дѣвственной свободной и удобной земли, что привлеченіе къ культурѣ дикой и отрѣзанной отъ всего міра долины средняго Чоткала можно, кажется, считать преждевременнымъ.

Мы захватили въ своемъ пути только нижнюю часть средняго Чоткала, дойдя до впаденія въ него рѣчки Терса, и повернули вверхъ по ущелью этого притока къ перевалу Чапчама. Дорога здѣсь то взвивается по каменной стѣнѣ и тянется узкимъ карнизомъ надъ рѣчкой, скрытой отъ глазъ выступами скалъ, то спускается къ самому потоку и идетъ прибрежными рошицами, капризно перебѣгая съ одного берега на другой. Караванъ, какъ чудовищная змѣя, извивается по этимъ прихотливымъ изгибамъ тропы, то подымая свою голову высоко на утесы, то вдругъ скрывая ее въ лѣсной чащѣ ущелій. Но вотъ при подъемѣ на перевалъ колоссальное чудовище, изгибаясь по зигзагамъ, устроеннымъ для облегченія

подъема, поползло на сѣдловину Чапчама. Древесная растительность словно отъ ядовитаго дыханія подалась въ стороны, затѣмъ и вовсе уступила свое мѣсто мелкому кустарнику розъ, древовидная арча смѣнилась стелющейся ея разновидностью, еще выше попалось нѣсколько экземпляровъ альпійскаго тальника, а тамъ пошла уже сочная альпійская мурава, пестрящая многочисленными цвѣтами съ преобладающею голубою окраской. Aneroidъ показывалъ 521.5; слѣдовательно, мы поднялись на высоту 3000 метровъ (9.230 футъ).

По ручью, получившему названіе отъ перевала, мы спустились въ бассейнъ Касанъ-сая, остановившись на ночлегъ въ урочищѣ Иштамберды. Кассансайское ущелье, въ верхней его части, постепенно пріобрѣтало тотъ-же характеръ горныхъ ущелій, какія были уже нами пройдены за эти дни. Тѣ-же ярусъ растительности, только арчевый лѣсъ здѣсь гуще покрываетъ утесы и увалы, чаще выстилаетъ дно и стѣны глубокихъ овраговъ. Отъ этого и краски здѣсь мягче,

сѣрый тонъ скалъ болѣе умѣряется свѣжестью арчевой зелени и еще живѣе напоминаетъ пейзажи далекой Финляндіи.

На слѣдующій день мы достигли устья рѣки Терска, но продолжать путь далѣе по ущелью не представлялось возможнымъ. Бурныя воды Касанъ-сая въ среднемъ теченіи его подъ вліяніемъ таянія снѣговъ, заканчивающагося здѣсь не ранѣе іюля, загроздили ущелье настолько, что пришлось повернуть на Терскъ и оттуда, обойдя часть Касанъ-сая, направиться на горный узелъ Кара-буры. Тропа опять пошла извиваться по карнизамъ скалъ, опять караванъ растянулся нескончаемой лентой, вздымаясь по крутому подъему перевала. Уже давно добрый ходунецъ Командующаго войсками, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ на вершинѣ Кара-буры, пока, наконецъ, постепенно подобрался запыхавшіеся, мало привыкшіе къ горнымъ дорогамъ, маштаки нашихъ казаковъ. Арка на сѣдловинѣ перевала, украшенная флагами, свидѣтельствовала, о томъ, что наиболѣе трудная часть

пути пройдена. Группа киргизовъ, выставивъ юрту, встрѣтила отрядъ хлѣбомъ-солью. Кибитка оказалась, для меня по крайней мѣрѣ, далеко не лишней, такъ какъ безъ пальто на Кара-бурѣ довольно таки прохладно, да при томъ же заморосилъ и небольшой дождикъ.

То былъ уже послѣдній нашъ подъемъ въ горахъ Чоткала и Касанъ-сая. Далѣе почти вплоть до Гульчи предстояла спокойная почтовая ѣзда по ровной и культурной странѣ. Девять дней мы пробыли среди мрачной, словно зачарованной въ своемъ безмолвіи, горной природы и теперь разставались съ нею, кидая прощальные взоры этимъ угрюмымъ, остававшимся позади насъ великанамъ.

Съ перевала развѣтывалась совершенно иная панорама. Сзади подымались темныя суровыя силуэты зубчатыхъ утесовъ, къ бокамъ которыхъ мѣстами, какъ бы ласкаясь, льнули легкія тучки, и величавая угрюмость дикихъ скалъ еще болѣе отбѣнялась веселыми красками широкаго горизонта,

раскинутого впереди въ сторонѣ долины Касанъ-сая, Чанача и Пашааты. Небо хмурилось и съ нимъ еще болѣе насунулись горныя вершины. Зловѣщія тучи ползли изъ покинутыхъ сзади ущелій и угрожающе надвигались въ нашу сторону, словно выпроваживали дерзкихъ пришельцевъ, забравшихся въ ихъ убѣжище. Зато впереди манилъ къ себѣ свѣтлый широкій просторъ пастбищъ и нивъ. Селенія Нанай, Мамай, Заркентъ и другія смутно обрисовывались на далекомъ горизонтѣ. Мы поспѣшили спуститься въ долину Касанъ-сая.

Нижняя часть ея, расширяясь все болѣе, переходитъ въ широкое луговое пространство съ чрезвычайно густою сочною травой. Въ Туркестанѣ рѣдко удастся видѣть такіе роскошные луга и прекрасные корма, какіе представляетъ касансайская низина нѣсколько выше впаденія ея въ долину Сыра. Но, къ удивленію, туземецъ пользуется ею крайне небрежно: то тутъ, то тамъ попадаются мѣстами небольшіе стога какъ бы случайно скошеннаго и оставшагося безъ

всякаго присмотра сѣна. Видно, что дѣло не ведется правильно и прекрасныя пожни остаются безъ уборки.

По направленію къ Касану долина развѣртывается все шире; изумрудныя пятна разсыпанныхъ по ней хуторовъ обрисовываются все опредѣленнѣе. Накрапывавшій дождикъ заставилъ насъ прибавить шагу и мы скоро достигли Касана.

II

Касанъ, его отдаленное и недавнее прошлое. — Наманганъ. —
Прошлое и настоящее ферганскихъ городовъ. — Экономическій прогрессъ Андижана. — Ошъ. — Дорога до Гульча. —
Гульча.

Селеніе Касанъ, по занимаемой имъ площади, очень обширно; однако, въ немъ насчитывается не болѣе 1500 домовъ, слѣдовательно, около 7 тысячъ жителей. Городокъ встрѣтилъ Начальника края очень

радушно: обыватели непроницаемой толпой обрамляли базарную площадь, стѣнокрушительныя трубы неистово терзали уши. Насъ ввели во дворъ лучшаго касанскаго медресе, построеннаго лѣтъ 30 назадъ, очень изящнаго съ фронтона зданія, украшеннаго двумя многовѣковыми карагачами.

Главный ишанъ и учитель медресе, „ветхій деньми“ старецъ съ тонкими, прекрасно сохранившимися красивыми чертами лица на вопросъ Командующаго войсками о давности города, не задумываясь отвѣчалъ, что Касанъ помнитъ еще Александра Македонскаго, слѣдовательно насчитываетъ не менѣе двухъ тысячъ лѣтъ своего скромнаго существованія. Однако великій завоеватель не доходилъ въ своихъ походахъ до Касана, и имя этого города впервые появляется въ исторіи, кажется, въ связи съ именемъ арабскаго полководца Котайба, который въ 713 г. по Р. Х. проникнувъ въ городъ, водворилъ въ немъ исламъ. Позже Касанъ игралъ довольно значительную роль въ сѣверной части Ферганы, соперничая съ фер-

ганской столицей того времени—Аксыкентомъ, и еще въ XIII вѣкѣ. Касанъ упоминается Якутомъ въ его географическомъ словарѣ, какъ одинъ изъ значительныхъ пунктовъ Ферганы. Но значеніе его постепенно падало, и Баберъ, перечисляя всѣ семь городовъ современной ему Ферганы, отзывается о Касанѣ довольно коротко: „это маленкій городокъ, говоритъ онъ:—мѣсто съ хорошимъ климатомъ; есть прекрасные сады, а такъ какъ эти сады разстилаются по обоимъ берегамъ рѣки, то городъ и названъ Пустынбишберэ (одѣтый въ шубу изъ пяти мерлушекъ)“. Во второй половинѣ XVIII в. Касанъ подвергся сильному опустошенію со стороны калмыковъ; причиною вторженія въ городъ послужилъ угонъ скота киргизами изъ колѣна Кутлукъ-сеидъ и нынѣ живущаго по южнымъ склонамъ Чапчамы. Барантаци скрылись отъ преслѣдованія калмыковъ въ Касанъ, который отказался выдать единовѣрцевъ невѣрнымъ. Калмыки послѣ продолжительной осады овладѣли городкомъ и увели изъ него нѣсколь-

ко тысячъ плѣнниковъ. Памятникомъ этого періода служить и понынѣ сохранившаяся могила, называемая Садпиръ, украшенная плитами, покрытыми арабскими и куфическими надписями*). Въ періодъ безконечныхъ междоусобій, пережитыхъ кокандскимъ ханствомъ въ текущемъ столѣтіи, Касанъ также игралъ непослѣднюю роль, перехода изъ рукъ въ руки различныхъ политическихъ партій.

Какъ старинное мусульманское гнѣздо, гордое своимъ прошлымъ, Касанъ наравнѣ съ другими значительными городами кокандскаго государства долженъ былъ бы таить въ своихъ стѣнахъ глухое недоброжелательство противъ наступившаго режима. Однако, городокъ этотъ въ силу историческихъ условій давно уже утратилъ политическую индивидуальность и экономическія побужденія составляютъ для него единственную

*) Уйфальви снялъ съ этихъ плитъ нѣсколько изображеній, изъ которыхъ три присланы имъ въ Ташкентскій музей. Мы не знаемъ, появились ли объясненія этихъ надписей, обѣщанныя Дарембергомъ. Ujfalvi Expedition Scientifique v. II p. 111.

основу его стремленій. Издавна осѣвшіе на своей благодарной землѣ, касанцы ищутъ прежде всего мирныхъ условій земледѣлія и тотъ режимъ, который обеспечиваетъ наиболѣе плоды ихъ мирнаго труда, считается ими лучшимъ. Исторія Касана свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ всегда старался быть на сторонѣ сильнаго....

Въ 1875 г. поголовно участвуя въ возстаніи кичаковъ, касанцы при вступленіи русскихъ войскъ поспѣшили вернуться въ городъ и встрѣтили ихъ съ крайней предупредительностью, не щадя бранныхъ словъ по адресу кичаковъ. Такая двуличность могла выработаться только у народа слишкомъ забитаго ударами судьбы, но по своей природѣ мирнаго и мягкаго. О радушіи касанцевъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и Уйфальви: „Nous nous trouvions là, говоритъ онъ про Касанъ: dans un grand centre musulman à plus de 50 kilom. de la première garnison russe et nous ne reconstruîmes de la part des habitants, que prevenience et amabilité et jamais aucun signe d'hostilité“*).

*) Ujfalvi Exped. scient. v. II. p. 111.